

18+

Станислав Мальцев

ВЫРВАТЬСЯ ИЗ КАПКАНА

Станислав Мальцев

Вырваться из капкана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54133002

ISBN 9785449866622

Аннотация

Сергея Малинина, тяжело больного экстрасенса, тайно вывозят из России, крупная зарубежная фирма хочет его вылечить и использовать в своих интересах. Но Малинин стремится вернуться домой, в Россию, хотя это очень трудно...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вырваться из капкана

Станислав Мальцев

© Станислав Мальцев, 2020

ISBN 978-5-4498-6662-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

1

Безбрежная пустыня океана залита ярким солнцем, полный штиль, ни ветерка. И вдруг... Вдруг по зеркалу неподвижной водяной глади пошли чуть заметные волны. И через минуту показался перископ подводной лодки. Внимательно всё оглядел, убедился никого нет. И ещё через несколько минут всплыла сама лодка. А потом на небольшую палубу вышел матрос, поставил рядом два лёгких стула и скрылся за дверью. И почти сразу неторопливо вышли два человека.

Они были чем-то похожи друг на друга, хотя один заметно выше ростом, спокойные уверенные движения, внимательный взгляд – всё говорило, что они много лет служили в армии и силовых структурах, на немаленьких должностях. Одеты тоже одинаково: лёгкие рубашки-безрукавки, ворот широко распахнут, на голове у одного белая фуражка с золотым шитьём, у другого кепочка с длинным козырьком. И очки – огромные, чёрные, закрывающие пол-лица.

Сели, устроились поудобнее, закинули ногу на ногу, молча смотрели на неподвижное, блестящее поле океана.

Первый, Бен, был капитаном этой лодки, второй, Джон, бывшим сотрудником ЦРУ. Прошло несколько минут в ти-

шине, потом Джон взглянул вверх, на голубое небо.

– Спутники нас, конечно, уже засекали...

Бен поправил немного сбившуюся фуражку.

– Нас видят, но мы в нейтральной зоне, нет причин для беспокойства. Сиди и дыши морским воздухом, очень полезно. И скажи, пожалуйста, кого я везу в холодильнике? Понимаю, это большой секрет, но ведь знаешь меня много лет, я не болтун, умею хранить тайны, иначе был бы почти адмиралом...

Его собеседник, человек в кепочке с длинным козырьком, чуть улыбнулся.

– Да, Бен, уверен, ты умеешь хранить секреты. Но, во-первых, я уже не служу в ЦРУ, а в крупной промышленно-финансовой корпорации. А во-вторых, сам знаю очень немного...

Он замолчал, молчал и его собеседник, ждал, тогда продолжил:

– Этот человек в твоём холодильнике очень сильный экстрасенс из России, он когда-то столкнулся с нашим главным экстрасенсом, тот везде проходил как Кросби, хотя, конечно, настоящее имя было совсем другим. Подробности того поединка не знаю, но Кросби тогда погиб от инсульта...

Бен кивнул, снова поправил фуражку.

– Только что постригся, и она стала великовата... Да, я что-то слышал, но не придал значения. Рассказывай дальше, но скажу тебе честно – не верю во все эти чудеса...

Джон его сразу перебил:

– И совершенно напрасно, я читал надёжные документы, совершенно точно установлено: Кросби смог увидеть секретный завод русских по строительству подводных лодок в городе Северодвинске, даже ангар и саму лодку. Его информация была очень важной.

Бен не стал спорить.

– Может быть и так, но, я предпочитаю другое, более надёжное оружие. А если тот русский тоже попытался поглядеть на наши подводные лодки? Тут они с Кросби и сошлись в поединке.

Джон ответил не сразу, подумал.

– Очень возможно, хотя в документах об этом не говорится.

Скажу тебе другое, то, что увидел Кросби железно подтвердила наша агентура, причём из разных источников... – он снял кепочку, платком вытер вспотевший лоб. – Жарковато сегодня, у тебя в каюте прохладно, полный комфорт... Об этом русском я могу ещё кое-что рассказать, если хочешь.

– Давай, – согласился Бен. – Интересно послушать про разные чудеса.

– Это точные факты, то, что было на самом деле, – возразил Джон. – Протоколы полиции, показания очевидцев. Он ещё студентом на болоте был сильно искусан гадюками, яда в крови оказалось за пределами много. Должен был умереть,

НО ВЫЖИЛ.

– Ну и что? – удивился Бен. – Вылечили, и всё.

– Не всё так просто, врачи не давали за его жизнь ни копейки. Слушай дальше, он жил в домике под высоковольтной линией электропередачи, долго, так сказать, облучался. И ещё – чуть не погиб: перебегал железнодорожные пути, упал и лежал между двумя поездами. Лежал долго – составы была длинными. Его крутило, вертело, но держался за землю, кое-как потом встал, выполз. Стресс огромный! Врачи говорили, все это могло способствовать развитию у него экстрасенсорики.

Бен качнул головой, заметил сочувственно:

– Да уж, досталось парню по полной программе. А что дальше? В чём проявились его сверхспособности?

– А вот в чём, слушай внимательно, – продолжал Джон. – Он сумел остановить машину – в двух шагах! – которая мчалась прямо на коляску с ребёнком.

– Как это в двух шагах? Она, всё равно, должна была сбить её, если скорость была большой.

– В том-то и дело. Он закричал, и машина не просто остановилась, а перевернулась на спину кверху колёсами. Есть показания очевидцев.

Бен широко улыбнулся, произнёс весело-недоверчиво:

– Очевидцы! Говорят так, врут, как очевидцы! Всё это случайные совпадения.

Джон не обратил внимания на его слова.

– Слушай дальше, во время суда он убил явного преступника, которого собирались оправдать. Закричал на него, и тот упал с инфарктом. Это подтверждено, есть и другие похожие случаи...

Они сидели, мирно беседовали, словно о хорошей погоде и ласковом, тихом океане. Бену действительно было интересно, а Джон рад был поговорить, ведь так намолчался за годы службы, да и всё, о чём рассказывал, совсем не секретная информация. Льстило ему и то, что показывает свою значимость.

– И что же дальше? – спросил Бен. – Как попал он ко мне на корабль? Я получил команду его отвезти без всяких комментариев.

Джон чуть нахмурился, ответил не сразу.

– Всё было достаточно сложно, мне пришлось попотеть. Этот парень отошёл от дел, стал инвалидом-пенсионером, и вдруг у него инсульт, впал в кому. В моей фирме узнали об этом, решили его вывезти из России и попытаться вылечить, чтобы потом узнавать все тайны конкурентов. Я забрал парня как покойника, добыл разрешение увезти на похороны к родственникам в соседнее государство, остальное легко. И вот здесь, рад встрече с тобой...

Бен покачал головой.

– Как тебе всё это удалось повернуть?

– Конечно, проблемы были, и немало. Но наши баксы все весьма уважают. А фирма их не жалела, для неё это мелочь,

в случае удачи окупится сторицей. Там есть люди, которые умеют рисковать.

– А если нет? Если твой покойник вообще не проснётся?

– Спишут как производственные отходы, только и всего. – Джон вздохнул. – Всё может быть, ты прав. Но мне приказали, я сделал, что дальше, не моя проблема.

Капитан снял фуражку, вытер вспотевший лоб.

– Всё это очень интересно, ты, как всегда, сработал хорошо. Но здесь жарковато, давай уйдём, подышали воздухом и хватит до следующего раза.

Они встали и медленно удалились с палубы, сразу же появился матрос и унёс стулья. И через несколько минут лодка исчезла в глубине океана.

Глава вторая

1

...Синее, синее небо, словно великан покрасил такой ослепительно-яркой краской. Яркое солнце горит вверху как огромная электрическая лампочка, подвешенная высоко-высоко тем же великаном. И ни ветерка – отличный летний денёк! Отряд ребят из пионерского лагеря с весёлым смехом-криком бежит к речке – купаться! купаться! Среди них и Сережа, невысокий, светловолосый, торопится, не отстаёт от других.

На берегу все скинули майки и с визгом в тёплую, ласковую воду, только брызги во все стороны. Плывут, машут руками и ногами, балуются, толкают друг друга.

Плывать не умеет, стоит возле берега, обливается тёплой прекрасной ласковой водой, потом заходит поглубже – по пояс, по грудь – хорошо! Идёт дальше, уже по шею и... И проваливается в яму! Глотает воду, захлёбывается, хочет кричать и не может. Воздуха нет, темнота в глазах...

– Мама! Мамочка!

Это ему только кажется, что кричит, на самом деле молча опускается на дно...

Увидели, вытащили, положили на горячий песок, пришёл в себя, жадно дышал...

А если бы не увидели, не вытащили – тогда что?
Что тогда?

2

...Сергей с трудом открыл глаза – он плавал в какой-то странной, густой и красной жидкости, похожей на кровь. А, может, это и была кровь? Но откуда взялась и почему так много?

Грудь сдавило, дышать нечем, замахал изо всех сил руками, и вынырнул, выплыл.

И сразу кровь исчезла, вся до капельки, уже сидел на кровати, испуганно оглядывался, не мог понять – куда попал? Пустая комната, белые стены, высокий потолок... Где это он? И главное – кто он? Не помнил ничего, совсем ничего, в голове пустота, чернота и пустота.

И вдруг увидел – вверху, в углу паук! Но не маленький, домашний и безобидный. А страшный – до ужаса! Размером с яблоко, и верхняя половина светло-коричневая, как и у яблока. А нижняя – чёрно-мохнатая, и лап тысяча! Все тёмно-красные, тоже мохнатые, и на концах клювы-коготочки. И вообще кошмар – по самой середине паука проходили глаза! Сплошной линией, все чёрные, и все глядели на Сергея. Глядели и не моргали! Сейчас опустится на длинной паутинке, высосет кровь...

Рванулся, бежать, бежать скорее! И страшная боль прон-

зила его всего, с головы до пяток. Почернело в глазах, потерял сознание, а когда очнулся...

3

А когда очнулся, оказался в болоте. Темнота, до рассвета ещё далеко, по колено в черно-коричневой жиже – воняет страшно. Рядом баба Ага – старуха у которой снимал комнату, лет ей то ли семьдесят, то ли все девяносто. Местная колдунья— целительница, лечит всех от всех болезней. Уговорила его вместе пойти ночью – обязательно ночью! – выкапывать какой-то волшебный золотой корень.

– Сёмка! – закричала баба Ага, почему-то упрямо звала его так, он и не поправлял, пускай, какая разница.

– Сёмка! Живо за мной! Чую, корешок совсём близко! – и резво запрыгала по кочкам. – Не отставай! Шевели живее копытами!

В резиновых сапогах было холодно, тоненькие, да и рваные, носочки совсем не грели. Хотел уже двинуться за старухой, но вдруг...

Вдруг с ужасом увидел совсем близко на ржавой кочке змею! Гадюка стояла на хвосте и пристально глядела на него чёрными злыми глазами. Не очень большая, но очень страшная! Змей Сергей вообще не любил, ненавидел и ужасно боялся. Замер, стоял неподвижно, глядел как у гадюки высовывается из пасти жало, высовывается и прячется. И,

вроде бы, даже капает зелёный яд... И догадался – сейчас прыгнет на него!

И гадюка прыгнула! Но сразу взмахнул лопатой – была в руке, чтобы копать корень, – и ловко отрубил у неё голову!

Бабка Ага как-то увидела, унюхала и тут как тут – козой припрыгала по кочкам, завопила:

– Ирод проклятый! Ты чё творишь? Это же Яшка, царь болотный! Убил Яшеньку, и нет тебе за это прощения! Будь ты проклят!

Замахала палкой и попрыгала по кочкам дальше, продолжала что-то кричать. Не видел её, не слушал, а глядел как из болота...

Как из болота, из чёрной густой жижи, выползают змеи, сотни, нет – тысячи гадюк! И кидаются на него!

Прыгают с кочек, пытаются достать до лица, до рук, кусают ноги – тоненькие, хлипкие штаны, подделка под джинсы...

Допрыгивают до груди – курточку не прокусывают, но многим удаётся цапнуть за шею, и руки уже все в крови от укусов.

– Вон! Пошли прочь! – замахал Сергей руками, ловил змей и кидал под ноги, и напрасно, курточка вдруг расстегнулась, а легкая рубашка-безрукавка для гадюк не помеха.

Отрывал гадюк от груди, бесполезно, их всё больше и больше, и в смертельном ужасе завопил:

– Сдохните! Сдохните все!

И – о, чудо! Гадюки сразу исчезли, свалились в болото и только зарябило в мутной воде.

Ещё не веря в спасение – скорее, скорее! – запрыгал по кочкам к сухому месту под деревьями. Голова кружилась всё сильнее, вспомнил про мазь, баба Ага дала баночку, если вдруг укусят. Открыл – мазь чёрная, пахнет отвратно, и, начал быстро мазать укушенные места. Сразу закричал от боли – словно кипятком ошпарило, но кое-как выдержал, вымазал всю баночку, и только тогда потерял сознание.

Очнулся – день уже клонился к вечеру, пролежал так долго. Но мазь помогла – укусы почти не болели.

4

Добрался до домика – едва живой! – сел на лавочку у двери, тяжело вздохнул, ну и ночка! Спасибо бабке Аге! Опустил руку, поднял маленький медный колокольчик и позвонил:

– Динь-динь-динь, – ласково-тихонько запел он, и увидел себя маленьким мальчиком в светлой курточке. На звоночек сразу прибежал рыжий котёночек, у него было три имени: утром Барсик, днём Барсук, а вечером Барселон. Тогда мальчик весело и счастливо жил в большом городе с мамой и папой...

Сергей позвонил снова, ждал – сейчас придёт котёночек.
– Динь-динь-динь...

И он пришёл!

В комнате возник и заполнил её всю огромный котюга!

Весь рыжий-рыжий! Словно костёр!

Полосатый, как зебра!

Толстенный и длиннющий хвостюга загибался вверх
кренделем и почти лежал на спине!

А роскошные усы топорщились в стороны!

И на каждом сидело по маленькой птичке!

Что-то весело чирикали и улыбались!

Котюга поглядел на Сергея:

– Вот и я! Привет-привет!

– Где был? – спросил его.

– Мур-мур-мяу! На охоте в лесу, где же ещё!

– И как охота?

– Поймал сто мышей! А, может, и больше! Не считал!

– Молодец! А сколько там ещё осталось?

– Много! Всех переловлю! – громко ответил котюга и сразу исчез. В комнате наступила темнота, но Сергей видел, как там, вверху, шевелятся страшные пауки...

5

Человек в белом халате сладко дремал перед большим экраном монитора. Но вдруг проснулся – там ровная белая линия заменилась на волнистую змейку. Сразу вскочил, закричал в микрофон:

– Алексей Иванович! Серёга очнулся!

– Иду! – раздался громкий ответ из невидимого динамика. И через несколько минут в комнату быстро вошёл, нет – вбежал! – ещё один человек в белом халате, немного постарше первого с более солидной, плотной фигурой. Волосы редкие, светлые, большие залысины, крупные круглые очки с чуть затемнёнными стёклами, сел в соседнее кресло, впился глазами в монитор.

А там продолжала бежать чуть волнистая белая нитка. Несколько минут глядел на неё молча, потом сказал негромко:

– Проснулся, это очень хорошо, я уже сомневаться начал.

Первый человек в белом халате сразу подхватил:

– Теперь будет полный порядок, парень крепкий, двужильный, такое перенёс и не помер. Ещё денек поспит, а там и глазки откроет.

Оба врача, а судя по белым халатам, они были именно врачами, молча смотрели на экран, на чуть угловатую белую линию жизни незнакомого им Сергея.

Второй врач, который пришёл позднее, был известным в своей профессиональной среде неврологом, Алексеем Ивановичем Смирновым, история жизни у него была довольно простая: учился в Москве в престижном медицинском вузе, после окончания работал весьма успешно, быстро стал не только кандидатом, но и доктором наук, поехал на стажировку сначала в Европу, потом в Америку. Его там уже знали

и почти сразу предложили работу в научном центре с высокой зарплатой. Не думал долго, согласился, тем более начался у него роман с очень красивой и очень богатой соседкой по кабинету – тоже врачом неврологом.

История другого врача, Николая Петровича Мухина, была похожа на историю Смирнова, похожа, да не совсем. Тоже учился в Москве, тоже попал за границу, прельстился большими деньгами и остался там. С той только существенной разницей, что как врач и в подмётки не годился Смирнову, это все прекрасно понимали, да и он сам. Ещё в школе, а потом и в институте, за ним прочно закрепилось пренебрежительно-снисходительное имя «Муха» и ещё иногда просто Коля-Петя. За всё это Мухин смертельно ненавидел всех, в том числе и своего шефа Смирнова.

Жизнь повернулась так, что вдруг Смирнова пригласили на работу в крупную промышленно-финансовую корпорацию, сначала сразу отказался, но, когда ему назвали сколько будет получать, согласился, ведь к деньгам был весьма неравнодушен. Позвал с собой и Колю-Петю – по условиям контракта мог взять одного помощника по выбору. Конечно, и тот сразу же согласился.

Сейчас они пристально глядели на чуть волнистую линию на экране монитора, линию жизни человека, который лежал в соседней палате, и было совершенно неясно, останется ли он жить, или скоро остановится сердце, их такая выгодная работа закончится. И оба думали только о том, что потеряют

большие деньги.

Наконец Коля-Петя прервал затянувшееся молчание.

– А если стукнуть его током? Может сразу зашевелится.

Смирнов только вздохнул – глупее ничего и придумать было нельзя, и ответил немного грубовато:

– Ты, Муха, совсем дурак или прикидываешься? Это его сейчас убьет. Нет, пусть лежит спокойно, продолжай капельницы и уколы.

Коля-Петя сразу заулыбался.

– Это верно и очень даже правильно – бабки нам капают каждый божий день. Пусть отдыхает хоть год, лишь бы не загнулся.

6

Человек в палате был Малинин, Сергей Васильевич. Когда-то, не очень даже давно, приехал из небольшого посёлка в областной город, поступил в пединститут на историко-филологический факультет, хотя не любил ни историю, ни литературу. Конечно, лучше бы на астрономию или биологию, изучать звезды и генетику куда интереснее, но экзамены по математике, физике и химии его пугали до смерти.

Учился легко, с удовольствием, всё было интересно, а жил трудно – стипендия копейчатая, переводы от дяди-пенсионера приходили редко и маленькие. Каждый был праздником, в этот день в буфете столовой покупал две бутылки пива и долго сидел за столиком, пил медленно, наслаждался, хотя

было оно горьковатым и мало приятным.

Повезло ему с квартирой, общежитие, конечно, не дали, снял комнатку у местной знахарки-целительницы бабки Агафьи, совсем бесплатно. Только договорились, что во время её отъездов станет караулить дом. А что там караулить? Ничего нету, кроме разных пакетов с сухой травой да банок с мазями. И никто к бабе Аге и не полезет в дом, её в этом маленьком посёлочке за железнодорожными путями все побаивались.

Но ничего этого, и многого другого, Сергей не помнил, лежал в черноте и видел только тех самых страшных пауков, сидели на стенах, на потолке, глядели сотнями разноцветных глаз, глядели не мигая, только шевелили своими мохнатыми лапами и готовились прыгнуть на него...

Глава третья

1

Сергей лежал, не открывая глаз, боялся, если откроет, то снова увидит страшных пауков. Слава Богу, теперь они исчезли, но ведь вернуться могут каждую секунду.

Из комы он благополучно выбрался и чувствовал себя неплохо, только всё время кружилась голова и звенело в ушах. Немного вернулась память, помнил какую-то большую больницу, сердитого врача, спорил с ним, даже ругался, а потом провал, чернота...

Открылась дверь, и в комнату на коляске въехал Мухин, слез с неё, весело заулыбался.

– Вот, привёз тебе карету, поедем дышать свежим воздухом, хватит тебе валяться. Тут у нас свой зелёный уголок, вроде парка, птички-синички летают, жуки всякие ползают, тебя ждут не дождутся.

Глядел на него без улыбки, конечно, на воздух очень хорошо, но это не главное. А главное – где он, Сергей, находится? Как сюда попал? Сколько ни спрашивал Мухина, тот ничего не говорил. И, всё-таки, спросил снова:

– Скажите, наконец, где я нахожусь? Как сюда попал?

Коля-Петя продолжал улыбаться.

– Скоро узнаешь, все вопросы к шефу, главному врачу, он

тебя просветит что к чему, а моё дело маленькое – приказано обеспечить тебе прогулон. Так что – поехали!

Больше разговаривать с ним Сергей не стал, прогулка – это очень хорошо, скорее осторожно сел на кровати, но голова закружилась сильнее. Мухин сразу подскочил, подхватил его как ребёнка, поднял и посадил на коляску.

Коляска эта была не простая, с мотором, на аккумуляторе, и Сергей вдруг вспомнил – когда-то, в другой жизни, в другой больнице ездил на такой, вот и кнопки управления на подлокотнике. Нажал одну, и коляска медленно двинулась в открытую дверь. Выехал в широкий коридор и повернул направо – там холл, выход на волю из тюрьмы.

Мухин шёл рядом и болтал без остановки. Ожидал увидеть других врачей, медсестёр – но коридор пустой, никого нет.

Въехал в светло-стеклянный холл и остановился, там, на воле, зеленели деревья, ярко горело солнце, синее, чистое небо...

– Отсюда хрен выйдешь, и войдёшь тоже, – веселился Мухин. – Специальное устройство открывает двери только шефу и мне, гляди. – Он подошёл к широкой, тоже стеклянной двери, засунул руку в какое-то отверстие, и дверь медленно разъехалась.

– Вот и все дела, – вышел, оглянулся, – Давай живее!

Сергей торопливо нажал кнопку, ему натерпелось выйти на воздух, и коляска выехала из здания.

По обе стороны неширокой дорожки незнакомые деревья, увидел и несколько пальм – сердце сразу замерло, – это не Россия! Его увезли куда-то далеко. А за деревьями...

За деревьями стояла высокая стена – забор из серых бетонных плит!

– Ничё себе стенка, гляди в оба! – весело продолжал Мухин. – Через неё не перескочишь – два метра! Это тебе не фунт изюма, вверху проволочка под током. Кто сунется, сразу кирдык! Отсюда не сбежишь, так и знай!

Сергей молчал, уже понял – он в тюрьме, надо из неё скорее выбираться... Но как?

А Мухин веселился:

– Ха-ха! Главный фокус в другом, тебе никогда не угадать! Хоть было не очень интересно, спросил:

– Какой? Конечно, не угадаю.

– Гляди, только не уподи от радости! Бегут к тебе гости!

Сергей посмотрел, и верно – чуть не грохнулся с коляски, на дорожке два железных пса-робота!

Длинные лапы двигались мерно-уверенно!

Туловища нет, только торчат ребра грудной клетки, словно проволочная корзина!

Головы опущены вниз, рты приоткрыты, видны острые зубы!

И глаза! Глаза горят красными огоньками!

Первый, большой пёс был ростом как обычная дворняжка, второй совсем маленький – Щеня – словно кошка.

Сергей чуть не потерял сознание, скорее закрыл глаза, а псы с тихим стукотком железных лап пробежали мимо.

– Ты их не бойсь, – беспечно сказал Мухин. – Не тронут тебя, меня и шефа, такая программа заложена у них в башке. Может они нас вообще не видят. Открывай глазки, давно прочесали мимо, но скоро вернуться, бегают здесь днём и ночью, аккумуляторов на них не напасёшься.

Сергей открыл глаза, дорожка пустая, поехал к большому дереву, остановился в тени. Мухин одобрил его выбор.

– Вот само то! Сиди тут в тенёчке, ветра нету и мухи не кусают! Отдыхай, можешь даже подремать чуток, никто сюда не придёт, нет тут никого, кроме нас. Да ещё скоро шеф явится, дыши озоном, пока, чао-какао!

Мухин махнул рукой и резво побежал к дому, а Сергей глядел на забор, на блестящую вверху проволоку в несколько рядов. Неужели и правда, она под смертельным током? Разве так можно? Скорее всего, Коля-Петя врет, просто брешет...

И тут, словно в ответ на его мысли, увидел, как на дереве весело прыгают-чирикают зелёно-жёлтые птички, не очень большие, но и не маленькие. И вот одна подлетела к забору, села на проволоку, и...

И беззвучно вспыхнула, мгновенно сгорела и чёрным пеплом упала.

Сергей вздрогнул – куда, всё-таки, он попал? Какой-то просто Освенцим...

Быть тут больше не мог, глупые птички всё прыгали на дереве.

– Улетайте! – крикнул им громко, нажал кнопку коляски и двинулся дальше по дорожке. Но ехать оказалось некуда, перед ним та же стена, та же проволока. Остановился, голова гудела, всё вокруг кружилось. Снова понял – попал в тюрьму. И вдруг увидел – с ближнего дерева глядит на него тот же страшный паук, глядит не моргая, шевелит мохнатыми лапами...

Скорее закрыл глаза и очутился в другом месте, в небольшом зелёном парке его пединститута. Сидел на скамейке – только что вышел из столовки после обеда.

А обед был такой – очень смешной. Денег осталось на три стакана сладкого и горячего чая. Отдал последние копейки и скорее унёс его на дальний столик, там на тарелочке горкой лежал бесплатный хлеб. Быстро с чаем прибрал половину – вкуснота! Остальное аккуратно завернул в бумажные салфетки и сунул в карман.

На скамейке в сквере хлеб не спеша, доел, хоть и без чая, всухомятку, хорошо, жить можно...

Глава четвертая

1

Сереза в нарядной, белой курточке с большими пуговицами, торопится, скорее в кино! На мировую, смешную комедию, там толстяк ткнул вилкой в поросёнка на блюде, думал тот жареный. А свин оказался живой, заверещал, подскочил и убежал! Просто смехотушка, обхохочешься!

Солнышко светило, день тёплый и вообще всё прекрасно! Папа пришёл с работы почему-то очень рано, и мама тоже была дома. Папа обнимал его и целовал, потом подкидывал вверх и ловил, было так здорово и совсем нестрашно! Только смеялся и кричал:

– Ещё! Ещё! Выше! Выше!

А потом ему дали денежку на билет и мороженку, и он убежал на эту смешную кинушку, был такой счастливый...

Иван Сергеевич плотно закрыл за сыном дверь, даже накинул цепочку, чего днём никогда не делали. Подошёл к жене, Нина сидела на диване, испуганно смотрела на мужа, знала, что-то случилось, ведь никогда он не вызывал днём с работы.

Сел напротив на стул, пристально поглядел ей в лицо, тихо сказал:

– Пришла беда... В окружном поступила новая разряд-

ка из Москвы, пять тысяч по первой категории, это сразу расстрел, и пятнадцать арестовать, как врагов народа.

Нина молчала, дыхание остановилось, такое было уже не первый раз, исчезли без следа многие знакомые, хорошие люди, вовсе не похожие на преступников. Был проклятый 1937 год...

– Чувствую, на этот раз мне не спастись, пришла очередь, – продолжал муж. – Поэтому чтобы тебя не взяли, надо срочно развестись, и я уеду в другой город, авось не тронут, ведь фамилия будет другая. Иначе тюрьма, лагерь, сына в детский дом, там он и сгинет, потеряется, ведь фамилию сразу ему поменяют.

Закрыла лицо руками, заплакала беззвучно, Иван подошёл, обнял, целовал и целовал без конца...

Когда Серёжа счастливый прибежал домой, папа уже ушёл, а мама вдруг заплакала и стала целовать. Начал рассказывать ей про весёлую кинушку, про смешного толстого поросёнка на столе, но она заторопилась и быстро убежала. Так и не понял – почему плакала.

Уже потом, через много, много лет, вторым зрением снова увидел отца: тёмная комната, папа неподвижно сидит на стуле, какие-то люди в военной форме роются в шкафу с одеждой, перебирают бумаги на столе, это идет обыск...

Потом папу ведут по темной лестнице во двор, там ждёт большая чёрная машина, он молча садится в неё, конвоиры рядом... Потом в другой, светлой комнате, человек тоже

в военной форме, громко читает папе бумагу:

– За контрреволюционную деятельность вы приговорены особым совещанием к десяти годам лагерей без права переписки...

Потом папа идёт по длинному, пустому коридору – это тюрьма, сзади конвоир, совсем молодой, светловолосый, идут молча. И вдруг он достаёт из кармана наган, стреляет папе в голову...

Маме ничего не сообщили о бывшем муже, она и не спрашивала, знала, никто ничего не скажет. Её не тронули, кому нужна простая машинистка? Но от всех этих страшных событий мама скоро заболела и умерла.

2

В калейдоскопе памяти выпали чёрные и красные стекляшки. Какая-то женщина говорит громко, напористо:

– Тебе, Сергей, надо пойти в железнодорожное училище, готовят помощников машинистов. Общежитие, трёхразовое питание, вся одежда казённая, чего ещё? Соглашайся, оформим тебя быстро, через пару дней и переберёшься.

Дядя Миша, какой-то дальний родственник, приехал на похороны, сразу сердито возразил, он был военным в небольшом звании:

– Что за глупости! Нечего ему там делать, надо учиться дальше – в университет, парень не дурак! Три месяца один

тут прекрасно проживёт, уже большой, потом я приеду.

Сергей немного испуганно смотрел то на женщину из собеса, то на дядю Мишу. Видел себя на огромном, чёрном паровозе, несётся вперёд, оглушительно громкий гудок рвёт воздух... Хорошо! Хорошо, и очень интересно!

– Какой же он большой, ещё маленький, – продолжала женщина. – Нельзя жить одному.

Эти слова решили всё – конечно же, не маленький, подумал и отказался от училища.

– Никуда не поеду, хочу остаться здесь.

Ах, если бы он согласился, то вся жизнь у него пошла совсем по-другому. Но лучше или хуже, неизвестно, как бы вернулась судьба.

– Правильно! – обрадовался дядя Миша. – Пенсию за мать станешь получать, да и я малость подкидывать буду, три месяца быстро пролетят, вернусь из армии и заживём вместе.

И началась новая, прекрасная житуха! Утром завтрак – чай с пирожным, а то и два съедал. После школы шёл в столовку в большом доме, где когда-то работала мама.

Потом в кино, вечером делал уроки по-быстрому и ужинал – снова чай с пирожными, особенно любил заварные эклеры с шоколадным кремом в серединке...

3

Крутанулся калейдоскоп, выдали только чёрные стёклышки – началась война. Магазины сразу опустели, никаких эк-

леров нет и в помине, чёрный хлеб покупал с трудом.

Один раз зашёл в соседний магазин, а там очередь тянется от самых дверей. Скорее встал в хвост, спросил у последней тети:

– Что дают? – уже быстро всему этому научился.

Ответила не глядя:

– Мороженое, по одному кило в руки, но, говорят, мало осталось.

Замер, что делать? Мороженое очень любил и не ел сто лет, но ведь в карман его не положишь. Оглянулся – за ним уже стояло три человека... Попросил вежливо:

– Я сейчас приду, живу рядом, бидончик принесу, не забывайте меня, скоро вернусь, – и побежал, понёсся со всех ног, скорее, скорее, чтобы не опоздать, а то кончится перед самым носом.

Ушёл, и его не забыли, пустили в очередь. Получил килограмм растаявшей белой массы и дома скорее съел столовой ложкой без хлеба, за десять минут. Такая вкуснятина! Вот повезло так повезло! Почаще бы, хоть каждый день!

Чёрная тарелка радио на стене сообщала и сообщала об отступлении Красной армии, о сданных немцам городах. Ничего не понимал – почему? Ведь так весело пели про эту, начавшуюся внезапно, войну, обещали быстро разбить врагов на их же земле. Плакал тёмными вечерами, а потом вообще перестал включать поганую тарелку.

Скоро выдали карточки – хлеба на день четыреста грам-

мов и ещё разные: на крупу, масло, сахар и даже мясо. Карточку на хлеб и половину других сразу забрали в столовой. Суп там стал пожиже, а котлетки поменьше, но, всё равно, очень вкусные. Половину хлеба съедал за обедом, вторую уносил на вечер и на утро. Но на утро почти никогда не получалось, вечером есть хотелось особенно сильно. Утром пил жиденький горячий чай и, – если давали вместо сахара по карточке, – то старые, слипшиеся карамельки.

Есть хотелось всегда, часто ночью просыпался от мучительного голода. Особенно тяжело по воскресеньям, ведь столовая не работала. Если была пшённая крупа, варил на плитке жиденькую кашку – очень вкусную, хотя прежде её никогда не ел. В самые счастливые дни, когда имелось непонятное растительное масло и сахарный песочек – делая себе пирожное, посыпал хлеб чуть-чуть маслицем и сверху сахарочком...

4

...Классный руководитель Ольга Ивановна протянула ему листок бумаги.

– Держи, это ордер на ремонт ботинок, ступай в мастерскую. Скорее свернул, сунул в карман – очень кстати, ботиночки совсем начали разваливаться. Сапожник, молчаливый, безногий инвалид, глянул ему на ноги, сказал недовольно:

– Они у тебя едва живые...

Молчал, улыбался смущённо, сапожник продолжал:

– Ладно, хрен с тобой, приноси их завтра, сделаю.

Произнёс тихо:

– Других у меня нету...

Инвалид ничуть не удивился, дело понятное, кивнул на стул у стенки.

– Тогда садись и жди. Кто у тебя на войне?

– Дядя Миша, отца нет, мама недавно умерла... – тихо ответил ему снова.

Быстро снял Сергей ботинки – совсем мокрые, хоть выжми, сапожник только головой качнул, ничего не сказал. Сел на стул, ноги в мокрых тоненьких рваных носочках сразу замёрзли до невозможности, вытянул их, потом засунул под стол. Инвалид молча кинул огромные старые тапочки, надел – ногам сразу потеплело. Внимательно смотрел как сапожник большой иглой пришивает заплаты на дырки, ловко заколачивает гвозди в подошвы. Скоро ботиночки стали лучше новых, никакие лужи не страшны.

...Зима, Сергей грустно глядел на замёрзшее окно – день опять холодный, как идти в школу? А идти надо, уже из-за морозов много пропустил, в лёгких ботиночках ноги сразу становились деревянными.

Сегодня, вроде бы, малость потеплело, и надо идти, ведь пропустил много, как бы опять на второй год не остаться. С грустью взял носочки – тоненькие, в дырках, от них толку

мало. Что же делать? Думал-думал, и придумал!

Вытащил из шкафа почти новую, очень теплую фуфаечку, очень её любил, серенькая, чуть мохнатенькая, напоминала котёночка. Мечтал о таком усато-хвостатом, как бы он слав-но мурлыкал, пел свои загадочные песенки... Но где там, и кормить нечем, и ухаживать не умел.

Растянул у фуфаечки рукава – длинные, самый раз. Взял ножницы и решительно, – пока не передумал, – отрезал. Потом толстой иглой зашил тот конец, который поуже, под-нял бывшие рукавчики и сказал гордо:

– Красота! Теперь никакой мороз не страшен! – и верно, ноги в новых носочках почти не замёрзли. Давно бы, дурач-ку, догадаться так сделать. А фуфаечку можно носить и без рукавов, главное, чтобы грудь закрывала. Ведь простужался часто, сопли текли постоянно, лечился горячим чайком-ки-пяточком, да аспирином, хорошие таблетки, и дешёвые.

5

...Директор школы нахмурился, сказал негромко, ему бы-ло трудно говорить с этим неуклюжим подростком в зано-шенной солдатской гимнастёрке:

– Вот что, Сергей, есть возможность тебе поработать на заводе, сколачивать ящики под снаряды. Дело нетрудное, обеды там каждый день, кроме того рабочая карточка – хлеб восемьсот граммов, ну и, само собой, зарплата какая-то. Со-

глашайся, ведь живёшь ты трудно, я знаю.

Спросил его сразу:

– А школа?

– Поработаешь, сколько захочешь, подкормишься и вернёшься, будешь продолжать учёбу.

Думал недолго, согласился, интересно, и фронту как-то поможет, и восемьсот граммов хлеба тоже хорошо. До завода ехал долго, троллейбус едва полз, народу полно. Комнатка небольшая, много вкусно пахнувших досок, возле широкого деревянного стола двое ребят его возраста лихо машут молотками, на полу горка готовых ящичков.

...Как, оказываемся больно, когда молотком попадаешь по пальцу, тонкая варежка не спасает. Уже в первый же день ушибленные пальцы распухли, а ногти почернели. Постепенно привык, бил молотком уже осторожно и не торопясь, зато в столовой давали большую миску вкусного супа, и две котлетки с лапшой. И хлеб! Почти полбуханки! Половину съел в обед, вторую половину вечером с чаем-кипяточком, домой ночевать не ездил, далеко и долго, спал тут же, на куче опилок. Так прошло-пролетело полгода, а потом их всех уволили, узнал, что в соседнем цеху парню, немного постарше, покалечило руку...

Директор школы взглянул на его распухшие пальцы, отвел глаза.

– Завтра приходи в свой класс, пропустил много, попробуй догнать, учителя позанимаются дополнительно.

Но догнать не вышло, хоть и старался, до экзаменов его не допустили, остался на второй год.

Глава пятая

1

Очнулся, словно проснулся после долгого сна, голова пустая и тяжёлая, в ушах звенит. Ничего не помнил – где он? Открыл глаза – в той же тюрьме, сидит в коляске, пауки на деревьях вверху глядят на него красными глазами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.